

тэлеграмы ў Аблвыканкамзах і Паўночна-Заходні камітэт РКП(б), у якіх скардзіўся на засілле левых эсэраў у павеце і прасіў даслаць добрых выступоўцаў для агітацыі [3, с. 112]; па-трэцяе, у Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці захоўваецца асабістая справа Д.Ф. Прышчэпава, якая часткова была апублікавана ў зборніку дакументаў “Витебская губерния: политические портреты в документах и материалах. 1917–1924 гг.” [2], у ёй змяшчаецца рукапіснае тлумачэнне Прышчэпава пра жніўеньскія падзеі 1918 года ў Сянно. Ён піша, што ніколі нез’яўляўся членам партыі эсэраў, на павятовым з’ездзе Саветаў быў супраць выступу, аднак “некоторые крестьяне заявили, что мы шкурничаем я на съезде заявил, что считаю абсурдным наступление, но чтобы на деле доказать, что шкурничества нет, я сам буду в рядах восставших” [5, арк. 3–4].

Такім чынам, Д.Ф. Прышчэпаў, не з’яўляўся арганізатарам выступу, ён толькі далучыўся да паўстанцаў пад ціскам сялян, паколькі і сам быў сынам селяніна. Інакш ЧК па Віцебскай губерні пасля разгляду справы аб падзеях у Сянно не прызнала б яго невінаватым і не вызваліла б ад арышту.

На падставе вышэй згаданага можна зрабіць выснову аб тым, што ў Сянно адбыўся стыхійны выступ чырвонаармейцаў, да якога кіраўніцтва левых эсэраў не мела месца. Паўсталыя з ліку чырвонаармейцаў не спрабавалі выкарыстоўваць лозунгі і назву партыі левых сацыялістаў-рэвалюцыянераў у сваіх мэтах. В.П. Даубе ўспамінаў: “Сенненское восстание обращает на себя внимание тем, что эсеры не выбросили здесь почти ни каких лозунгов, за исключением “Долой Брест!” [6].

Пераход палкоў на акупаваную тэрыторыю, з мэтай зрыву Брэсцкага міру здаецца непраўдападобным, бо Сенненскі і Стайкаўскі палкі спадчатку адступілі ў бок Сянно, і толькі ў выніку дзейнасці атрада В.П. Даубе і 1-га Латышскага кавалерыйскага палка паўстанцы адступілі на нязначную частку, занятую немцамі, якую ў верасні 1918 г. планавалася перадаць савецкаму боку. Нямецкае камандаванне не паддалося на правакацыю, а толькі адсунула мяцежнікаў за дэмаркацыйную лінію. Удзел радавых членаў партыі левых эсэраў у выступе даўмагчымасць большавікам разграміць левых эсэраў у Сенненскім павеце.

1. Бандарэвіч, В.В. Экскурсія да вытокаў горада Сянно: краязнаўчыя нарысы / В.В. Бандарэвіч. – Мінск: Літаратура і мастацтва, 2008. – 168 с.
2. Витебская губерния: политические портреты в документах и материалах. 1917–1924 гг. – Витебск: Витебская областная типография, 2016. – 256 с.
3. Гігін, В.Ф. Парадоксы рэвалюцыі. Што адбылося ў Оршы і Сянно ў жніўні 1918 года? / В.Ф. Гігін // Беларуская думка. – 2015. – №10. – С. 106–113.
4. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 1821. Воп. 1. Спр. 7.
5. ДАВВ. – Ф. 9. Воп. 6. Спр. 2268.
6. Даубе, В.П. Ликвидация левозсеровских восстаний в Орше и Сенно // Голас Сенненшчыны. – 1993. – 9 октября – С. 4.
7. История Беларуси : учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования. В 2 ч. Ч. 2 / Я.И. Трещенок, А.А. Воробьев, Н.М. Пурышева, М.И. Матюшевская; под ред. Я.И. Трещенка. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. – 310 с.
8. Почанин, С.З. Историей обреченные / С.З. Почанин. – Мн.: Беларусь, 1977. – 286 с.

НОЯБРЬ 1918 ГОДА: ПРАЗДНОВАНИЕ ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИИ

Т.В. Котович

Красная годовщина – а імяна так назывался празднік 7 ноября 1918 года и газета, изданная специально к этой праздніку, выпушчэнная Губвоенкоматом – это особенная страница в истории Витебска. Во-первых, в это время Витебск был прифронтовым

городом и находился весну, лето и осень в опасном положении: немцы стояли невдалеке. Во-вторых, в губернском центре и в уездах торжественно отмечали первый революционный праздник. В-третьих, волею губкомиссара Семена Крылова была организован съёмка документального фильма о красной годовщине. В-четвертых, оформлением праздника руководил Марка Шагал.

4 ноября 1918 года в Витебске была получена телеграмма № 112, в которой сообщалось, что «согласно телеграмме из Москвы от 2-го ноября за № 11818/2666, празднование годовщины Великой Октябрьской Революции начинается в 12 часов дня 6-го ноября и празднуется по 7-ое включительно» [1], т.е. всего полтора дня (ранее планировалось четыре и с большим размахом).

И Приказ Витебского Губернского Комиссариата по Военным Делах был подписан Крыловым и Скудре 5 ноября 1918 года № 119 по общему отделу первым параграфом [2]. В этот же день на 5 участок Западного фронта была отправлена телеграмма за подписью Сергиевского с предложением собраться к 10 часам утра на Соборной площади для принятия участия в торжестве [3]. Вообще собирались праздновать четыре дня [4], однако после телеграммы-опровержения от широко прежнего плана остались только 6 и 7-е ноября [5].

Все войска, расквартированные в Витебске, и части фронтовые приняли участие в торжестве.

5 ноября Комиссия сообщала в Губисполком о том, что ассигнований на украшение города (160 тысяч рублей) и на празднование (400 тысяч рублей) не хватает, и необходимо ещё не менее 100 тысяч рублей [6].

Губернский военный комиссар С. Крылов обратился ещё и в кинематографический комитет при Наркомате Народного Просвещения с просьбой о 500 метрах плёнки для съёмки парада красноармейских частей [7] и в Московский Окружной Комиссариат по военным делам и в Комиссариат по военным делам Петроградской коммуны с просьбой о фотоматериалах для витебских фотографов Шевелева и Маковского, Дижбака и Кисельгофа: «Материалы эти крайне необходимы для съёмки парадовъ красноармейских частей въ дни торжествъ годовщины Октябрьской революции. Промедление въ перевозе указанныхъ выше материаловъ лишитъ возможности произвести снимки торжествъ» [8].

Письмо Витебского губернского военного комиссара С.Н. Крылова в кинематографический комитет при комиссариате народного просвещения об отпуске негативной пленки Минтусу

г. Витебск

2 ноября 1918 г.

Губвоенком просит об отпуске по твердым ценам тов. Минтусу 500 метров негативной пленки, каковая действительно нужна для производства снимков парада красноармейских частей в дни годовщины Октябрьской революции в городе Витебске.

Губернский военный комиссар Крылов

ГАВг, ф. 1582, оп. 1, д. 47, л. 1127. Заверенная копия. Машинопись.

Парад принимала коллегия Витебского Губернского Комиссара по военным делам.

Утром 7 ноября рабочие и военнообучающиеся собирались на Конной площади, красноармейцы с Замковой, Гоголевской и Задуновской собирались на Соборной площади, а рабочие организации с Долгоруковской собирались на Орловской площади – к 10 часам на митинги до 11 часов.

Шествие началось в полдень. Шли рабочие, военнообучающиеся и красноармейцы. Был разработан и порядок расстановки: от комитета партии до пожарного обоза.

Оргкомиссия занималась административно-распорядительной частью и большому количеству распорядителей от организаций были выданы нарукавные повязки («главный распорядитель», «распорядитель»), красный флажок и свисток. Они должны были находиться справа от рядов своих профессиональных организаций, выстроенных в ряды с интервалами.

Озаботились и присутствием врачей и автомобилей для скорой помощи, а также наличием телефонного сообщения.

Кроме того, за пределами внимания оргкомиссии не остались спокойствие и чистота города во время празднеств: «Предложить милиции организовать охрану имущества граждан города в течение трех ночей [неразб.] все улицы города должны быть освещены. Все дороги, мосты и заборы по пути следования шествия должны быть приведены в должный вид» [9]. Вечером предполагалась лекция в театре и в пролетарском клубе.

8 ноября с 11 утра до часу планировались митинги на Конной, Соборной и Орловской площадях, а днём в три часа – детское театральное шествие и карнавал.

Кроме организации шествия Комиссия должна была создать фонд в пользу рабочих, пострадавших в борьбе за освобождение в Октябрьскую революцию. А также намечалось переименование улиц.

9 ноября С. Крылов писал в кинематографический комитет при Наркомпросе о том, что губвоенком просит проявить и отпечатать плёнку («кинематографическую картину») из негатива торжеств годовщины Октябрьской Революции в Витебске: «возможно быстрее так как красноармейские части участвовавшие в параде некоторые на днях отправляются на фронт. Губвоенкому весьма желательно показать картину уходящим частям». Привезший пленку Янсон будет ждать готовый материал «по отпечатанию которого просим выдать так же негатив который будет храниться в Губвоенкоме» [10].

Фильм о праздновании демонстрировали в «Кино Арс», куда позвали местную власть и прессу. Как писали в «Витебском листке» 19 ноября 1918 года, «несмотря на то, что картина не обнимает полностью октябрьские торжества, она все же оставляет хорошее впечатление. Для витеблян эта картина представляет особый интерес, как сотни и тысячи людей получают возможность увидеть себя и своих знакомых на экране. Кроме того, на экране зритель может, так сказать, с высоты полета увидеть грандиозное зрелище октябрьских торжеств в Витебске. Картина, несомненно, будет иметь историческую ценность для Витебска» [11].

Тогда же в Москве показали киножурнал Дзиги Вертова «Кино-Неделя № 25. Хроника 1918», одним из фрагментов которого был сюжет о праздновании годовщины в Витебске, монтажные куски из большой съёмки. Используются кадры движущихся колонн на Соборной возле архиерейского дома и трибуна с комиссаром Крыловым на Орловской площади.

1918 год в Витебске был тревожным. Как потом вспоминал С. Крылов, казалось, что немцы не пойдут войной: «Мы были молоды, слишком революционны, а потому и не учли тревогу всех объективных данных международного положения. Война продолжалась. Немецкий империализм наступал. 18 февраля пал Двинск. А потом немцы быстро и легко, заняв еще ряд уездов Витебской губернии, наступали уже на Витебск. Смертельная опасность грозила русской революции, смертельная опасность угрожала и Витебску. Окончательно разложившаяся пол лучами революции старорежимная армия – стихийно и безобразно демобилизовалась и разбежалась, буквально разбежалась <...>. Новая армия еще не создалась. Не было времени для ее организации.

Дрогнула советская власть в Витебске. Немецкие полки двигались на Витебск.

Советы городской и губернской передали всю власть, дали диктаторские полномочия Революционному штабу, состоявшему из наиболее твердых и решительных товарищей. Город был объявлен на осадном положении. <...>Казалось, что советская власть под напором немцев извне и под напором контр-революционных сил внутри должна немедленно погибнуть в Витебске. Положение было в высшей степени серьезное. Круглые сутки работал Революционный штаб. Собраны были все вооруженные силы и брошены на фронт. В городе оставили только два испорченных броневика, помещенных около окружного суда (ныне Дворец Труда), небольшой отряд красногвардейцев и 5-й рабочих и крестьян Красной Армии полк (200 штыков) под командою рабочего т. Масенцова. Конный Латышский полк нес разведывательную службу и поддерживал связь.

<...>Несмотря на плохую связь, Революционному штабу удавалось осуществлять общее руководство над партизанским движением. Немцы, не ожидавшие никакого

сопротивления, вынуждены были остановиться около Бешенковичей. Видимо революционно-раскаленная атмосфера Витебской губернии сильно подогрела революционное настроение немецких солдат и поэтому отчасти дальнейшее наступление было невозможно. <...>Тяжелый Брестский мир был заключен. <...>

Чуть было не вспыхнуло восстание в Витебске в июле месяце. Гарнизон тогда насчитывал свыше семи тысяч едоков. Запасы продовольствия все иссякли, обмундирования не было, денег также не было. Создался ужасный кризис. Две недели части буквально голодали. Реквизиция хлеба по городу дала ничтожные результаты. Город тоже сидел без хлеба. В войсках появилось недовольство, ропот, брожение и погромное настроение. Главная масса красноармейцев сконцентрировалась в Марковщине первой и второй. Там собирался большой митинг. На митинг поехал мой помощник тов. Путна. Ему не дали кончить речь, арестовали и хотели здесь-же расстрелять, но затем решили посадить под стражу. <...>После ареста тов. Путна собрание решило идти в город к военному комиссару за хлебом, обмундированием и жалованьем. <...>По телефону передаю приказ командирам полков (т.т. Чеботаревскому и Соколовскому) ни под каким видом не выпускать красноармейцев неорганизованной толпой, а вести военным строем с оркестрами музыки, командному составу быть во главе своих частей, организованным порядком привести части к Губвоенкомату. (обратим внимание на эти предписания С. Крылова! – ред.) <...>Весть о наступлении быстро разнеслась. Паника охватила не только обывателей, но и рабочие и советские организации. Ждали погрома. До сих пор не могу простить нашему герою, отличившемуся впоследствии во время польской войны, тов. Маковскому, командовавшему тогда 4-м Варшавским полком, его настойчивых советов мне «скрыться на время». К счастью, я тогда не послушался нашего уважаемого т. Маковского и решил испытать «крепость нервов» [12].

Октябрьские и Майские празднества Советской власти, наполненные тревогами и ритмами гражданской войны, разрухи, мобилизации в большей мере, чем пафосом могучей победы революции, представляли собой революционное, социальное и военное шествие. Это – прежде всего путь, движение, не оратория, не круг как форма объединения массы, не множество цветов, а стройное действие колонн, сплочение и единообразие, мужественное и на едином дыхании и в едином теле.

Весна 1919 года в Витебске это ежедневная мобилизация в Красную Армию. Как постоянно заявляет Крылов, немедленно и пофамильно: «Праздники не могут служить причиной неявки» [13]. Мобилизация проходит по все уездам (положение Западного фронта не менее опасное, чем Восточного!) и по всем организациям РКП губернии: «Мобилизация не наказание. Армии нужны хорошие коммунисты» - телеграфирует Крылов в Невель [14]. Крылов очень жестко ставит вопросы и на обращения об освобождении отвечает резко.

Документ за подписью С. Крылова [15] констатирует отпускаемое мобилизованному:

1. Пара сапог
2. Два полотенца
3. Три пары носовых платков
4. Две пары нижнего белья
5. Полфунта сахару
6. 250 штук папирос
7. 1/16 фунта чаю
8. 1/21 фунта сала
9. 10 коробок спичек
10. Один стакан или кружка
11. Одна записная книжка
12. Одна столовая ложка

13. Один перочинный ножик¹
14. Один кусок туалетного мыла
15. ¼ фунта простого мыла

Витебские газеты этого времени постоянно публикуют соответствующие материалы, мобилизуя город, осуществляя пропаганду, усиливая общий настрой.

1. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 47. Л. 1142
2. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 6. Л. 253.
3. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 47. Л. 1157.
4. ГАВт. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.
5. ГАВт. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 18–19.
6. ГАВт. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 28.
7. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 47. Л. 1127.
8. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 47. Л. 1126, 1125.
9. ГАВт. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 24 об, 22.
10. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 44. Л. 293–293 об.
11. Октябрьские торжества в Витебске на экране // Витебский листок. – 1918. – № 1041. – 19 ноября. – С. 4
12. Красная быль: Большевики в Витебске. – Витебск, 1923 г. – С. 207–214
13. ГАВт. – Ф. 10050. Оп. 1. Д. 32. Л. 10.
14. ГАВт. – Ф. 10050. Оп. 1. Д. 32. Л. 60.
15. ГАВт. – Ф. 10050. Оп. 1. Д. 32. Л. 218.

ЭВАКУАЦИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ИЗ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ МОЛОДЕЧНЕНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ И ЕЁ ДИРЕКТОРА А.В. ЯРУШЕВИЧА*

О.А. Петухова

Молодечненская Учительская Семинария начала работу в 1864 году, когда стало очевидным, что для открытых в рамках кампании «противодействия полонизаторской деятельности костельных и панских школ» [18, с. 14] народных училищ не хватает учителей. При семинарии было основано народное училище – для организации практических занятий её воспитанников. В год начала Первой мировой войны Семинария отмечала полувековой юбилей. Возглавивший её в 1907 году Афанасий Викентьевич Ярушевич посвятил этому событию книгу - «Молодечно и его учебные заведения. [К пятидесятилетию Молодечненской учительской семинарии]» [18].

5 июля 1915 года, в условиях стремительного отступления российской армии, принято решение об эвакуации семинарии в Смоленск [3, л. 24]. Фактически она начата спустя почти два месяца – 2 сентября [3, л. 42], когда линия фронта подходит вплотную и город начинает обстреливать немецкая артиллерия, вследствие чего большая часть имущества и семинарии, и её штатных педагогов, оставлена на месте и, вскоре, разграблена [3, л. 43; 15, с. 41]. Сведения об эвакуации семинарии по каким-то причинам не попали в достаточно подробный «Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и о должностных лицах» [17], составленный на основе мониторинга средств массовой информации, ответов на запросы и писем эвакуированных учреждений, заведений и лиц.

В октябре 1915 года Молодечненская учительская семинария начинает свою работу в Смоленске, в помещениях частной гимназии Воронина – во вторую, послеобеденную, смену. А.В. Ярушевич пишет, что организовывать работу на новом месте пришлось

*Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России, проект № 33.1419.2017/ПЧ «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе».